
ПАПРИКА
Русская версия
Дмитрий Правдин
18+

Дмитрий Pravdin

Паприка. Русская версия

https://litres.ru/74446073
SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциалка Любава едет в Москву 1998 года, чтобы спасти жениха от долгов. Мечтая о работе няней, она попадает в элитный салон «Красный бархат», где становится Паприкой — роскошной женщиной, познавшей силу своего тела. Предательство любимого и крах иллюзий закаляют её. Из наивной девушки рождается независимая хищница, которая проходит через мир дикого капитализма, олигархов и опасных желаний. Это история о трансформации, принятии себя, сексуальности и поиске настоящей любви. Любава учится любить своё пышное тело, строит бизнес и обретает свободу.

Содержание

18+ 4
Часть I. Из провинции с любовью 5
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Дмитрий Pravdin
Паприка. Русская версия

18+

Эротический роман по мотивам фильма Тинто Брасса «Паприка»

Часть I. Из провинции с любовью

Глава 1. Наивная невеста и её план

Осень тысяча девятьсот девяносто восьмого года выдалась на редкость холодной и сырой. Город N., раскинувшийся на берегу Волги где-то между Казанью и Самарой, кутался в серое одеяло тумана, и казалось, что вся страна вместе с ним затаила дыхание после августовского дефолта, который перечеркнул и без того хрупкие надежды на «светлое капиталистическое завтра».

Любава проснулась от того, что луч солнца, пробившийся сквозь дырку в старой шторе, упал ей прямо на лицо. Она потянулась, выгнув спину дугой, и одеяло сползло с её плеч, обнажив полную, белоснежную грудь, которая тяжело колыхнулась при глубоком вдохе. Комната в съёмной квартире на окраине города была крошечной — три на четыре метра, с облупившимися обоями в цветочек и скрипучим паркетом, помнящим ещё советские времена. Но для Любавы это был их с Олегом первый совместный дом, и она любила каждый его потрескавшийся уголок.

Она села на кровати, и простыня соскользнула с её бёдер, обнажив широкие, крутые изгибы, которые в этом городе,

где женщины к тридцати годам превращались в измождённых тёткок с авоськами, казались чем-то из другого мира. Любава была создана не для хрущёвок и не для очередей за хлебом. Её тело — пышное, налитое, с кожей цвета сливок и лёгким румянцем на щеках — словно сошло с полотен тех самых кустодиевских купчих, что висели в местном краеведческом музее. Густые светлые волосы, заплетённые на ночь в толстую косу, тяжёлым жгутом легли на плечо. Синие глаза, огромные и немного наивные, смотрели на мир с тем доверчивым любопытством, которое в двадцать один год ещё не успело быть раздавлено жизнью.

Олега рядом не было. Подушка на его стороне кровати давно остыла. Любава нахмурилась, потянулась к тумбочке и нащупала записку, нацарапанную на обороте чека из продуктового: *«Уехал на базу. Вернусь к вечеру. Не жди с ужином. О.»*

Она вздохнула, сложила записку и сунула её под подушку, где уже лежала целая пачка таких же — коротких, торопливых, скупых на нежность. Олег в последнее время почти не бывал дома. Его мечта — собственный автосервис, который он хотел открыть в гаражном кооперативе на выезде из города, — превратилась в одержимость, пожиравшую его целиком. А после дефолта, когда доллар взлетел до немыслимых высот и все его сбережения, копившиеся три года, обесценились за одну ночь, одержимость переросла в отчаяние.

Любава встала, подошла к маленькому зеркалу, висевше-

му на гвозде у двери, и критически оглядела себя. Халатик, купленный на рынке за копейки, трещал по швам на груди и едва сходился на бёдрах. Она поправила его, безуспешно пытаясь прикрыть глубокую ложбинку, и улыбнулась своему отражению. «Ничего, — подумала она, — зато Олегу нравится». Ей нравилось, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Как его взгляд цеплялся за её грудь, за бёдра, за мягкий округлый животик, который она стеснялась, а он целовал с каким-то особенным, жадным упоением. В эти моменты она чувствовала себя самой красивой женщиной на свете.

Она быстро умылась, оделась в джинсы и свитер крупной вязки, который скрывал её формы, превращая пышную красавицу в неуклюжий кокон, и вышла на кухню. В кастрюле вчерашние макароны, в чайнике — холодная вода. Любава поставила чайник на плиту, села за стол и раскрыла тетрадь с конспектами. Третий курс пединститута, факультет русского языка и литературы. До сессии оставалось два месяца, и она уже сейчас знала, что не сможет её закрыть — не потому, что не успевала, а потому, что денег на оплату следующего семестра не было. Олег и так тянул их обоих, работая на двух работах — днём в чужом гараже, ночью сторожем на складе.

Чайник закипел. Любава налила себе чай, откусила кусок чёрного хлеба с маргарином и задумалась. Мысли, как всегда в последнее время, крутились вокруг одного и того же: деньги. Долги. Олег.

Вечером он вернулся поздно, пахнущий машинным маслом и дешёвыми сигаретами. Любава услышала, как он возится в прихожей, ругаясь на заевший замок, и бросилась к двери, едва не споткнувшись о порог.

— Олежа! — Она обвила его шею руками, прижалась всем телом, чувствуя, как его жёсткая куртка давит на её мягкую грудь. — Я так скучала.

Олег ответил на объятие рассеянно, одной рукой, второй уже стягивая ботинки. Он был высоким, жилистым, с острым лицом и вечно нахмуренным лбом. Красивый по-своему, но какой-то измотанный, словно из него выкачали всю молодость и заменили её вечной тревогой.

— Люб, отпусти, я грязный, — буркнул он, но она не отпустила. Она никогда не отпускала первой.

— Мне всё равно. Я люблю тебя даже грязного.

Он усмехнулся — кривой, усталой усмешкой — и наконец поцеловал её в макушку. Они прошли на кухню, и Любава, пока он мыл руки, подогрела макароны и достала из холодильника банку тушёнки — роскошь, которую они позволяли себе раз в неделю.

Олег ел молча, уткнувшись в тарелку. Любава сидела напротив, подперев подбородок кулаком, и смотрела на него с тем обожанием, которое бывает только у очень молодых и очень влюблённых женщин. Она видела, как дрожат его пальцы, держащие вилку, как дёргается жёлвак на скуле, и понимала, что случилось что-то плохое.

— Олежа, что случилось? — тихо спросила она.

Он не ответил сразу. Допил чай, отодвинул тарелку, закурил. Дым повис в воздухе кухни, смешиваясь с запахом тушёнки.

— Серёга Козлов приходил, — наконец сказал он, не глядя на неё.

У Любавы похолодело внутри. Серёга Козлов — местный «бизнесмен», как он сам себя называл, а по сути — мелкий бандит в малиновом пиджаке, которому Олег задолжал деньги на закупку оборудования для будущего автосервиса. Долг был взят ещё до дефолта, в долларах, и теперь, когда курс подскочил втрое, сумма из вполне подъёмной превратилась в катастрофическую.

— И что он сказал? — голос Любавы дрогнул.

— Дал срок до Нового года. Три тысячи баксов. Или заберёт гараж, а мне переломает ноги. — Олег произнёс это буднично, словно говорил о погоде, но Любава видела, как побелели его костяшки на руке, сжимающей сигарету. — Три тысячи, Люб. У меня сейчас от силы пятьсот, и те в рублях, которые завтра могут превратиться в фантики.

Любава молчала. Три тысячи долларов. Для их города, где средняя зарплата составляла триста-четыреста рублей, это была сумма из параллельной вселенной. Она представила, как Олег — её Олег, с его золотыми руками и упрямой мечтой — остаётся без гаража, без дела всей жизни, сломленный и униженный. Эта мысль была невыносимой.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она, протягивая руку через стол и накрывая его ладонь своей. — Вместе.

Олег посмотрел на неё — и в его взгляде мелькнуло что-то странное. Нежность? Жалость? Расчёт? Любава, в своей наивной слепоте, приняла это за благодарность и сжала его пальцы крепче.

— Ты у меня хорошая, — сказал он тихо. — Слишком хорошая для всего этого дерьма.

Этой ночью Любава не спала. Олег давно храпел рядом, свернувшись калачиком, а она лежала на спине, глядя в потолок, и думала. Думала о том, что её стипендия — сто двадцать рублей — не покроет даже проценты по долгу. Что её родители в деревне сами живут впроголодь. Что подработки в городе — продавщицей в ларьке или посудомойкой в кафе — принесут копейки, которых не хватит даже на еду, не говоря уже о тысячах долларов.

И тогда она вспомнила разговор, который случайно подслушала две недели назад в институтском коридоре. Две старшекурсницы, Ленка и Светка, шептались в туалете о том, как Ленкина знакомая уехала в Москву и за три месяца заработала столько, что купила матери квартиру. «Она там в каком-то агентстве работает, — хихикала Светка. — Няней, что ли, в богатой семье. Говорит, платят в баксах, кормят, одевают, ещё и подарки дарят».

Няней. В богатой семье. В Москве.

Мысль, зародившаяся в ту ночь, поначалу казалась безум-

ной. Но чем больше Любава о ней думала, тем реальнее она становилась. Она умела обращаться с детьми — два года подрабатывала в детском саду во время летних каникул. Она была здорова, крепка, работоспособна. Она могла уехать на полгода, заработать нужную сумму, вернуться и спасти Олега. А он даже не узнает, какой ценой достались эти деньги. Он будет думать, что она просто хорошая няня в хорошей семье.

К утру решение было принято.

Следующие три дня Любава провела в лихорадочных сборах. Она сходила в деканат и оформила академический отпуск, сославшись на семейные обстоятельства — больную бабушку в деревне, которой нужен уход. Декан, лысеющий мужчина с вечным похмельем, даже не стал уточнять подробности. Потом она позвонила матери и попросила благословения, не вдаваясь в детали. Мать поплакала в трубку, попросила беречь себя и перекрестила её на расстоянии.

Самым трудным был разговор с Олегом.

Они сидели на кухне, и Любава, стиснув руки под столом так, что ногти впились в ладони, рассказала ему свою легенду. Про агентство нянь. Про богатую семью с двумя детьми. Про зарплату в пятьсот долларов в месяц, из которых она будет присылать ему четыреста.

— Ты с ума сошла? — Олег вскочил со стула, и его лицо перекосилось. — В Москву? Одна? В девяносто восьмом году? Ты хоть понимаешь, что там творится?

— Олежа, я буду в безопасности, — Любава тоже встала и подошла к нему, заглядывая в глаза. — Семья проверенная, через знакомых Ленки. Квартира в центре, охрана, всё как положено. Я буду жить как в санатории, только ещё и деньги получать.

— А я? — его голос сорвался на хрип. — Ты меня тут одного бросаешь?

— Я делаю это для нас, — она взяла его лицо в ладони, чувствуя щетину под пальцами. — Для нашего будущего. Для твоего автосервиса. Олежа, я вернусь через полгода, и у нас будет всё. Я обещаю.

Он молчал долго, глядя куда-то мимо неё. Потом его плечи опустились, и он обнял её — крепко, отчаянно, уткнувшись лицом в её волосы. Любава почувствовала, как его тело дрожит, и её сердце сжалось от жалости и любви.

— Только вернись, — прошептал он ей в ухо. — Вернись ко мне, слышишь? Я без тебя не смогу.

— Вернусь, — пообещала она, и в этом обещании была вся её наивная, слепая, абсолютная вера в их любовь.

Вокзал города N. ранним ноябрьским утром был мрачным и прокуренным. Любава стояла на перроне с дерматиновой сумкой, в которой лежало всё её нехитрое имущество: два свитера, джинсы, пара футболок, бельё, косметичка и фотография Олега, завёрнутая в носовой платок. На ней было пальто, купленное на барахолке, — тесноватое в груди и бёдрах, но тёплое, и пуховый платок, повязанный поверх свет-

лых волос. Она выглядела как типичная провинциальная девушка, отправляющаяся на заработки в столицу, — таких на вокзалах были сотни.

Поезд «Самара — Москва» подошёл с опозданием на сорок минут. Любава втиснулась в вагон, нашла свою полку и села у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Город медленно поплыл мимо — серые пятиэтажки, промзона, гаражные кооперативы, заснеженные поля. Где-то там, среди этих гаражей, сейчас был Олег. Может быть, он смотрел на тот же рассвет и думал о ней.

Любава закрыла глаза и представила, как через полгода она вернётся сюда — с пачкой долларов в сумочке, в красивом пальто, с гордо поднятой головой. Как Олег встретит её на этом же вокзале, подхватит на руки и закружит. Как они откроют автосервис, поженятся, заведут детей. Как всё будет хорошо.

Она не знала, что Москва встретит её не уютом богатой квартиры и не детскими улыбками. Что вместо няни ей предстоит стать совсем другой женщиной. Что её пышное тело, которое она пока воспринимала просто как часть себя, станет её главным оружием, её проклятием и её спасением. Что наивная Любава из провинции умрёт, а на её месте родится Паприка — девка с перчинкой, которую не сломит ни один мужчина и ни одна беда.

Но пока она была просто Любавой. Двадцать один год, светлая коса, синие глаза, полная грудь, упирающаяся в тес-

ное пальто, и огромное, наивное, готовое на всё сердце.

Поезд набирал скорость, увозя её навстречу судьбе. За окном мелькали берёзы, чёрные от осенней сырости, и серое небо нависало над землёй, как тяжёлое одеяло. Где-то впереди, за тысячей километров, ждала Москва — город, который в девяносто восьмом году был одновременно и обетованной землёй, и пастью чудовища, готовой проглотить любого, кто осмелится войти в него без брони.

Любава достала фотографию Олега, прижала её к губам и прошептала:

— Подожди меня, любимый. Я всё сделаю.

И поезд мчался дальше, постукивая колёсами на стыках рельсов, унося её всё дальше от дома, от любви, от иллюзий — и навстречу той жизни, которая навсегда изменит её тело, её душу и её имя.

Глава 2. Прослушивание в «Красном бархате»

Москва встретила Любаву серым, колючим снегопадом. Когда поезд подошёл к Киевскому вокзалу, она прижалась лбом к запотевшему окну и увидела город, который казался одновременно величественным и пугающим. Высотки, укутанные в туман, напоминали сказочных великанов, а бесконечные потоки машин — жёлтых «москвичей», чёрных «мерседесов» и каких-то невиданных раньше иномарок — кишели, как муравьи в муравейнике.

Любава сошла на перрон, крепко сжимая ручку своей дерматиновой сумки. Вокзал оглушил её гулом голосов, запахом пирожков и дешёвого табака, криками таксистов, зазывающих пассажиров. Она остановилась посреди потока людей, чувствуя себя маленькой и потерянной. Её пальто, такое тёплое и уютное дома, здесь казалось нелепым и старомодным. Женщины вокруг были одеты иначе — в кожаные куртки, короткие шубы из норки, блестящие сапоги на высоченных каблуках. Они двигались уверенно, словно каждая пядь этого города принадлежала им.

— Девушка, девушка! — к ней подскочил коренастый мужчина в спортивной куртке с эмблемой «Adidas». — Такси нужно? Куда едем?

— Мне нужно на Тверскую, — она достала сложенную вчетверо бумажку, на которой Ленка вывела адрес агентства: *Тверская улица, дом 15, офис 47*.

— Тверская? — мужчина свистнул. — Это дорого, красавица. Тысяча рублей минимум.

Любава побледнела. Тысяча рублей — это почти половина того, что она привезла с собой. Но деваться было некуда. Она кивнула, и через десять минут уже сидела в тесном салоне «Жигули», глядя, как за окном проплывает Москва.

Город поражал и пугал одновременно. Витрины магазинов, забитые импортными товарами, яркие вывески казино и ночных клубов, мужчины в малиновых пиджаках с золотыми цепями на шее, девушки в коротких юбках и ярких

блузках, смеющиеся на фоне «мерседесов». Всё это было так непохоже на её родной город N., где единственной роскошью считался новый ковёр в гостиную.

Таксист высадил её у огромного здания с колоннами, которое казалось дворцом из другого века. Любава подняла голову, разглядывая лепнину на фасаде, и почувствовала, как сердце начинает биться чаще. Вот оно — место, где начнётся её новая жизнь. Через полгода она вернётся к Олегу с деньгами, и всё будет хорошо.

Она вошла в подъезд, миновала тяжёлую дубовую дверь и оказалась в просторном холле с мраморным полом. Воздух здесь пах дорогими духами и кофе. У стены стояла кожаная кушетка, на которой дремала женщина в деловом костюме. Любава робко подошла к ней.

— Извините, мне нужно в агентство нянь, офис 47.

Женщина открыла один глаз, лениво оглядела Любаву с ног до головы и усмехнулась.

— Четвёртый этаж, дверь направо. Но, девочка, ты уверена, что тебе туда?

— Уверена, — кивнула Любава, не заметив странной интонации в голосе женщины.

Лифт оказался старым, скрипучим, с зеркальными стенами, в которых Любава увидела своё отражение — румяную, немного испуганную девушку с косой до пояса и сумкой, которую она сжимала как спасательный круг. Она поправила выбившуюся прядь волос и вышла на четвёртом этаже.

Коридор был тускло освещён, стены обиты тёмными панелями из дерева. Дверь с табличкой «Офис 47» была приоткрыта, и оттуда доносилась тихая музыка — что-то джазовое, с тягучим саксофоном. Любава постучала.

— Войдите, — раздался женский голос, низкий и бархатистый, как шоколад.

Любава толкнула дверь и вошла в комнату, которая больше напоминала будуар из французского фильма, чем офис агентства по трудоустройству. Стены были обиты тёмно-красным бархатом, на полу лежал персидский ковёр, в углу горел камин — настоящий, с живым огнём. Посреди комнаты стоял массивный стол из красного дерева, а за ним — женщина.

Это была Тамара Ивановна, но все здесь называли её просто Маман. Ей было на вид лет сорок пять, но выглядела она моложе — ухоженная, с безупречным макияжем, в чёрном облегающем платье, которое подчёркивало её стройную фигуру. Тёмные волосы были собраны в тугой пучок, на шее блестела нитка жемчуга, а на пальцах — кольца с крупными камнями. Она курила тонкую сигарету в мундштуке и смотрела на Любаву с ленивым любопытством, словно кошка, заметившая мышь.

— Здравствуйте, — Любава робко переступила с ноги на ногу. — Я по объявлению... Насчёт работы няней.

Маман медленно выдохнула дым и улыбнулась — уголками губ, не глазами.

— Няней? — её голос был мягким, но в нём слышались стальные нотки. — Милая, ты не по адресу.

— Но... — Любава достала бумажку. — Мне дали этот адрес. Агентство нянь, офис 47.

Маман усмехнулась и жестом указала на кресло напротив.

— Садись, детка. И расскажи, кто тебя ко мне направил.

Любава села, чувствуя, как мягкая обивка кресла обволакивает её бёдра. Она рассказала про Ленку, про её знакомую, про то, как та работала в богатой семье и хорошо зарабатывала. Маман слушала молча, постукивая длинными ногтями по столу. Когда Любава закончила, Маман затушила сигарету и наклонилась вперёд.

— Понятно, — сказала она. — Твоя Ленкина знакомая работала не няней, милая. Она работала у меня. И зарабатывала не тем, что с детьми играла.

Любава почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Я... я не понимаю...

— А я тебе объясню, — Маман встала и обошла стол. Она подошла к Любаве и остановилась рядом, глядя на неё сверху вниз. — Ты красивая девочка. Очень красивая. С такими формами, как у тебя, нянькой работать — это преступление против природы.

Её рука, холодная и мягкая, коснулась подбородка Любавы и приподняла его. Маман внимательно изучала её лицо — широкие скулы, пухлые губы, большие синие глаза, обрамлённые густыми ресницами.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Замужем?

— Помолвлена, — тихо ответила Любава, чувствуя, как щёки пылают.

— И жених твой знает, куда ты приехала?

Любава замялась.

— Он... он думает, что я няня.

Маман рассмеялась — низким, грудным смехом.

— Бедный мальчик. Он думает, что его девочка сидит с чужими детьми, а она на самом деле... — Маман сделала паузу и провела пальцем по плечу Любавы, скользя к ключице. — Ну, ты поняла.

Любава вскочила с кресла, как ошпаренная.

— Я не... Я не могу... Я не такая!

— Тише, тише, — Маман положила руку ей на плечо и мягко, но твёрдо усадила обратно. — Никто тебя не заставляет. Но прежде чем ты выбежишь отсюда с криками, послушай меня.

Она села за стол, достала из ящика папку и открыла её.

— Вот что я тебе скажу, девочка. Ты приехала в Москву за деньгами. Много денег. Твоему жениху нужны три тысячи долларов, да?

Любава замерла. Откуда она знает?

— Ленка болтунья, — усмехнулась Маман, прочитав её мысли. — Она всем рассказывает, всем хвастается. Но де-

ло не в этом. Дело в том, что ты не заработаешь эти деньги нянькой. Даже если будешь работать на трёх работах одновременно. А у меня ты заработаешь их за два месяца. Может, за один.

— Но... но это же... — Любава не могла подобрать слово.

— Проституция? — Маман произнесла это слово спокойно, без тени стыда. — Не говори глупостей. Это элитный салон. У нас не шалавы на углу стоят, а девушки, которые работают с серьёзными мужчинами. Профессора, бизнесмены, дипломаты. Они платят не за секс, а за компанию, за красоту, за ощущение, что они рядом с богиней.

Она встала и подошла к Любаве, наклонившись так близко, что та почувствовала запах её дорогих духов.

— Посмотри на себя, милая. Ты же сама понимаешь, что создана не для того, чтобы стирать пелёнки. У тебя тело, от которого мужчины сходят с ума. Грудь, бёдра, кожа — всё в тебе кричит о том, что ты создана для удовольствия. И не только мужского, но и своего собственного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.